

© А.С. Басов

Антропология ценностей в эпоху коварного капитала. Рецензия на книгу: Kalb D. (Ed.). *Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle*. Berghahn Books, 2024.

Книга «Коварный капитал. Линии столкновения ценностей на исходе глобального цикла» под редакцией Дона Кальба вышла в 2024 г. тридцать пятым томом серии *Dislocations* издательства Berghahn Books¹. Серия, запущенная в 2005 г. при участии самого Кальба, посвящена исследованию глобализированного капитализма и призвана стимулировать создание «политически вовлеченных, этнографически фундированных и теоретически заостренных работ»². «Коварный капитал» вполне соответствует этому описанию. Так, жюри, вручившее авторскому коллективу награду Общества антропологов труда (Society for the Anthropology of Work — секция Американской антропологической ассоциации) в 2024 г., подчеркнуло, что работа представляет собой «своевременное вмешательство в ключевые дискуссии о меняющихся режимах ценности и труда, капиталистическом накоплении и политической экономии», а также отметило, что авторам удалось предложить новую концептуальную рамку, которая в каждой из глав сборника разворачивается в убедительный эмпирический анализ (Schei 2025).

Басов Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. e-mail: a.basov@iea.ras.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Для цитирования: Басов А.С. Антропология ценностей в эпоху коварного капитала (Рец. на Kalb, D. (Ed.). *Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle*. Berghahn Books, 2024) // *Антропологии/Anthropologies*. 2025. No 2. С.126–136, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/126-136>

¹ Книга находится в открытом доступе на сайте издательства: <https://www.berghahnbooks.com/title/KalbInsidious>

² Описание серии доступно на сайте: <https://www.berghahnbooks.com/series/dislocations>

Концептуальная цельность работы — не случайность, а результат успешной организации коллективной работы. Книга подытоживает пятилетний исследовательский проект «*Frontlines of Value: Class and Social Transformation in 21st Century Capitalism*», который Кальб возглавлял с 2017 по 2022 г. в Университете Бергена (Норвегия). География исследований охватила ось Восток–Запад — Пуэрто-Рико, Мьянму, Китай, Индию, Непал, Турцию, Румынию, Мальту (кейс не вошел в сборник), Англию и США. Команда подготовила более ста публикаций, несколько монографий, а также «*Routledge Handbook for the Anthropology of Labor*» (2022), сделав значительный вклад в антропологию капитализма.

Ведущая роль в проекте принадлежала Дону Кальбу, который за последние четыре десятилетия сыграл заметную роль в развитии марксистской антропологии. В другой работе Кальб вспоминает, что с самого начала своей академической карьеры сочетал научную работу с политической вовлеченностью (Kalb 2025: xiv–xxii). В начале 1980-х годов он активно участвовал в антиядерном движении и движении за мир в Нидерландах. После нескольких активистских поездок в социалистическую Польшу он некоторое время собирался провести там полноценное исследование, но, предвидя трудности с организацией полевой работы, переключился на исследования «домашнего» поля и в итоге получил степень PhD по социальным наукам в Утрехтском университете в 1995 г. Его диссертация развивала реляционный подход к классу на материале индустриальных сообществ Северного Брабанта XIX–XX вв. (крупнейший город этой провинции — Эйндховен — место основания компании Philips). Кроме того, в 1985 г. вместе с единомышленниками, также вдохновленными работой Эрика Вульфа «Европа и народы без истории» (*Europe and the People Without History*, 1982), он основал журнал *Focaal* — название которого происходит от слова «focus» и отсылает к стремлению удерживать людей вместе через поощрение исследовательского сотрудничества. Сегодня *Focaal — Journal of Global and Historical Anthropology* — остается одной из ключевых площадок для дискуссий о связи антропологии и истории, а также для включения локальных исследований в анализ глобальных процессов. Не случайно несколько соавторов книги — Шарлотта Брукерман, Стивен Кэмпбелл, Патрик Невелинг, Шаррин Касмир — тесно связаны с журналом как авторы и редакторы. Длительная совместная работа и общее понимание задач критической антропологии, вероятно, помогли коллективу удерживать единую теоретическую рамку на протяжении девяти глав книги — достижение редкое для сборников, которые часто страдают от эклектичности и разнонаправленности текстов. Сам Кальб в интервью после получения награды отметил: «Такую книгу можно сделать, только если удастся собрать подходящих людей в подходящий момент и с достаточными временем и ресурсами. Я держал в голове точные контуры этой книги (но, конечно, не содержание), еще когда мы только начинали в 2017 г., хотя в итоге мы пришли в такое теоретическое и методологическое место — к антропологической версии теории ценности — которое я не мог полностью предвидеть, даже несмотря на то, что понятие ценности было в названии с самого начала» (Schei 2025).

Как можно понять из предыдущего, участники проекта работают сразу в двух больших исследовательских полях — антропологии ценностей и антропологии капитализма — и их главная амбиция состоит в том, чтобы соединить

эти поля в единую аналитическую рамку, которая подробно представлена во введении за авторством Кальба (Р. 1–34). Центральным является понятие «ценности»³ (value), которое последовательно разворачивается в трех взаимосвязанных измерениях.

Первое измерение — это универсализирующая стоимость (ценность в единственном числе) как центральное понятие марксистского анализа капиталистического способа производства — то, что движет капитал. Стоит помнить, что капитал в марксистском анализе — это не вещь, а процесс, описываемый формулой «деньги — товар — деньги», т. е. процесс, в ходе которого происходит прибавление стоимости. При этом всюду, где присутствует капитал, действует и закон стоимости. В интерпретации марксизма, которую развивают авторы (см. *Harvey* 2019), речь скорее не о законе, а о тенденции, и суть этой тенденции состоит в следующем (Р. 10, 16–18): глобальная конкуренция капиталов требует постоянного повышения производительности труда (в итоге — через механизацию, автоматизацию, организацию процессов), что приводит к снижению общей нормы прибыли и попыткам компенсации этого снижения через вовлечение новых территорий, новых масс труда, новых сфер жизни в капиталистическое накопление. Последнее в том числе оборачивается и капитализацией социальной жизни — жилья, питания, образования, здравоохранения, транспорта, досуга и т. д. — всё становится полем для накопления. Этот процесс порождает циклы модернизации и экспансии одних мест, сфер и групп, и обесценивания и заброшенности других. Надо заметить, что авторы считают, что в современном мире почти не осталось мест или ситуаций, не затронутых капитализмом: «Капитал практически повсюду засел глубоко в наших повседневных рутинах и социальном воспроизводстве, даже когда он не нанимает и не эксплуатирует нас непосредственно» (Р. 3). Однако они не утверждают, что капитализм везде распределен равномерно, или что он где-либо одержал окончательную победу, и его гегемония где-либо совершенно стабильна.

Второе и третье измерения ценности очень близки друг к другу и различаются условно — это партикулярные ценности (во множественном числе), которые традиционно интересуют антропологов и социологов (Р. 2). С одной стороны, это то, к чему стремятся люди для себя и своих близких в повседневных процессах социального воспроизводства: то, чего хотят достичь, чем насладиться, что не готовы потерять. Авторы соотносят их также с потребительскими стоимостями (use values). С другой стороны, это более абстрактные общие ценности, которые люди и группы заявляют публично (авторы иногда называют их «цивилизационными»): дискурсы прогресса, справедливости, модернизации, национального величия и т. д. Авторы настаивают на неразделимости этих трех измерений. Нельзя анализировать капиталистическое

³ Важно сделать небольшую оговорку о переводе. В русскоязычном переводе «Капитала» К. Маркса читатели столкнутся не с «ценностью», а со «стоимостью», и у этого перевода есть важные достоинства. Тем не менее, как станет понятно из дальнейшего текста, «стоимость» не является полностью подходящим переводом для «value», поскольку авторы эксплицитно пытаются свести капиталистическую стоимость с человеческими ценностями, показать их зависимость друг от друга и при этом предупреждают как от прямолинейных редукций в любую сторону, так и от слишком жестких различий, в том числе и от представлений о том, что стоимость как-либо замещает ценности или что практика последних может как-то вытеснить первую. В дальнейшем тексте я использую и «стоимость», и «ценность», но призываю читателя помнить о непростом отношении между этими понятиями и выражающими их словами.

накопление без учета того, какие конкретные желания, надежды, ценности людей его проводят; и нельзя понять локальные ценности вне давления глобального закона стоимости.

В пространстве пересечения этих измерений возникают «линии столкновения ценностей» (*frontlines of value*), вынесенные в заглавие книги. Это места и моменты, в которых стоимость и ценности сходятся или расходятся, сталкиваются или действуют сообща (Р. 2–3). На этих линиях рождаются как противоречия, так и сговоры (*collusion*) — дело не обстоит так, что ценности всегда противостоят стоимости. Скорее в определенных ситуациях определенные ценности работают на логику стоимости, другие же противостоят ей. При этом набор конкретных ценностей, выступающих на той или иной стороне, не является одинаковым, варьирует во времени и пространстве.

Чтобы адекватно схватить эту динамику взаимодействия ценностей, авторы задействуют расширенную теорию классов, выходящую за пределы классического марксистского фокуса на процессах производства (Р. 19–22). Они утверждают, что эксплуатация и накопление происходят в трех взаимосвязанных доменах («скрытых обителях»). Первый — это производство в узком смысле: рабочие места, где капитал присваивает прибавочную стоимость, эксплуатируя наемный труд. Второй — социальное воспроизводство: жилье и земельная рента, образование, забота и здравоохранение, свободное время, городская среда, структуры долга и кредита. Третий домен — природа: окружающая среда как место обитания человека и одновременно как объект эксплуатации и коммодификации.

Принципиально важно, что эти три домена тесно связаны. Внимание к их связям делает предлагаемый классовый анализ реляционным. Более того, классовые позиции понимаются процессуально: люди и группы могут не только выступать в классовой борьбе в одних отношениях на одной стороне, в других — на другой, но и менять свою позицию во времени. Как правило, классовая борьба идет с трех сторон: капитал и государственные элиты «сверху» стремятся поддержать накопление; средние классы хотят быть среди «победителей», но тревожатся о своем статусе, ведут защитную борьбу, качаясь между разными формами принятия и сопротивления отдельным аспектам капитализации; более маргинализированные группы «снизу» вступают в диффузные «ревиндикативные» схватки против обесценивания своей жизни и труда.

Противоречивое взаимодействие стоимости и ценностей на линиях соприкосновения производит историю (пространственную, временную и социальную динамику) и одновременно происходит *исторически*, а в каждой конкретной ситуации порождает тот или иной «режим ценности» (Р. 4–5, 15, 20). Режим ценности — это ограниченная в пространстве и времени конфигурация, сложенная из глобального давления закона стоимости, столкнувшегося с локальными условиями накопления, ценностями людей и гегемонными идеологиями, и задающая некоторые структурные пределы того, какие возможности в классовой борьбе доступны сторонам. Это не статичное состояние, а динамичное, всегда временное равновесие противоречий. Структурные ограничения и возможности будут смещаться и изменяться в зависимости от результатов конкретных, более или менее «артикулированных» схваток,

трансформируя и режим ценности. Определенные формы эксплуатации «работают» и кажутся естественными; определенные ценности легитимируют эти формы; выстраиваются определенные классовые союзы. Но накапливаются противоречия, которые подрывают это равновесие и ведут к его трансформации. Понятие режима ценности позволяет авторам выйти за пределы известных противопоставлений — дара и обмена, потребительской и меновой стоимости, моральной и рыночной экономики — и удерживать в едином аналитическом поле всю сложность того, как капитализм проникает в жизнь людей, какие он задействует желания и идеалы, и как люди, в свою очередь, пытаются защититься, приспособиться или сопротивляться.

Эмпирическую основу книги составляют девять глав-кейсов, выбранных по оси Восток-Запад: именно по этой оси, по мнению авторов, наиболее заметны ключевые противоречия текущего (неолиберального) цикла глобального капитализма. Авторы выделяют несколько ключевых моментов действия закона стоимости на глобальном уровне (Р. 25–34). Глобальная индустриализация сельского хозяйства (пик «Зеленой революции» пришелся на 1960–1970-е годы) в сочетании со спиралями долговых отношений (деятельность МВФ и Всемирного банка, кредиты на развитие экспорта, структурные реформы) способствовала превращению Китая, Индии и других частей Глобального Юга в «мировую фабрику» за счет возможности использования дешевого труда лишенных земли крестьян.

Первая глава книги (Патрик Невелинг) как раз прослеживает историческую роль специальных экономических зон (СЭЗ) как институциональной формы, создавшей «новое международное разделение труда». Последствия этого включения видны в главе 2 о Мьянме (Стивен Кэмпбелл), где описывается последняя волна втягивания в глобальную систему — промышленные трущобы Янгона и механизмы идеологического обесценивания маргинального труда.

Перенос производств обернулся деиндустриализацией Запада, стагнацией зарплат, финансиализацией и углубляющимися социальными противоречиями, приведшими к политической поляризации вокруг вопросов космополитического либерализма и националистического иллиберализма. Поиск выхода из этого кризиса был связан с надеждами на новые парадигмы роста, основанные на высшем образовании и «экономике знаний», что с включением в глобальную экономику после 1989 г. постсоциалистических стран, сочетающих дешевизну труда с образованной рабочей силой, настроенной «догонять», и с близостью к западным рынкам, привело к новому витку аутсорсинга не только физических производств, но и «белых воротничков». Эта динамика прослеживается в седьмой главе о румынском IT-секторе (Оана Матеску и Дон Кальб) и в восьмой главе об английских университетах (Сара Винклер-Рид), где образование превращается в поле накопления через долговые отношения. Девятая глава о США (Шэррин Касмир) показывает, как деиндустриализация в Пенсильвании приводит к классовым переконфигурациям и хрупким новым альянсам.

В свою очередь, индустриализация и урбанизация в Китае и Индии породили гигантский спрос на землю, строительство и сырье, что стало двигателем новых форм накопления, опирающихся на земельную ренту, и создало

специфические режимы ценности в городах. Эта линия проходит через несколько глав: захваты сельской земли под урбанизацию в индийском городе Гуруграм (глава 4, Том Коуэн), строительство роскошных отелей в Непале (глава 5, Дан Хирслунд), строительный бум в Турции, поддерживаемый авторитарным режимом Эрдогана (глава 6, Катарина Бодирски). Рост новых средних классов на Востоке также создал спрос на туризм и «креативность», что также демонстрирует непальский кейс. Наконец, глава 3 о китайских углеродных рынках (Шарлотт Брукерманн) показывает, как даже экологический кризис становится новой линией накопления в рамках коммодификации атмосферы.

Важно подчеркнуть, что кейсы не просто иллюстрируют общие тезисы: каждая глава решает и свои специфические задачи, а между разными главами есть переключки, не заданные логикой введения. Например, главы о Мьянме и Индии объединяет внимание к диалектике формального и неформального. Кэмпбелл показывает, что неформальный труд не является «пережитком» докапиталистических отношений, а конститутивен для современного капитализма. Коуэн демонстрирует, какое огромное количество неформальных усилий необходимо для создания формальной собственности. Очень разные на первый взгляд главы о Непале и Англии фокусируются на том, как строительство связано с другими секторами — в одном случае с туризмом, в другом с образованием — и как земельная рента и долг структурируют социальные отношения. При этом кейсы работают вместе, демонстрируя все три домена эксплуатации: классическую эксплуатацию труда на рабочем месте (Мьянма, Румыния), присвоение, связанное с социальным воспроизводством — жильем, образованием, городской средой (Индия, Непал, Турция, Англия) и с природой (Китай). Они также показывают все три вида классовой борьбы: давление капитала и государства сверху (особенно явно в турецком кейсе), защитную борьбу средних классов (IT-работники в Румынии, либеральные профессионалы в Турции) и ревиндикативные схватки снизу (трущобы Янгона, новые альянсы в Пенсильвании). Вместе эти кейсы складываются в портрет глобальной системы на пике цикла — с накапливающимися противоречиями, изнашивающимися мифами, растущим насилием и хрупкими попытками сопротивления.

Концептуальная рамка, описанная выше, предполагает работу с этнографическим материалом. Авторы явно артикулируют свою методологическую позицию: режимы ценности нужно изучать в конкретных локальных ситуациях, но делать это так, чтобы в локальном были видны глобальные силы, а в настоящем — историческая траектория. Эта установка опирается на два эксплицитно упомянутых методологических источника: глобальную этнографию Майкла Буравого и антрополого-исторический подход Эрика Вульфа.

Буравой разрабатывает метод «расширенного случая» (*extended case method*), в котором исследователю предлагается совершить ряд «расширений»: из своего — в жизненный мир повседневных действий своих собеседников; от ситуаций — к процессам, разворачивающимся во времени и в разных местах; от процессов — к силам, структурирующим, задающим возможности и ограничения процессов и действий «извне», и, с другой стороны, реагирующим на изменения «внутри». Наконец, понимание связей и зависимостей

на разных уровнях позволяет перейти, или скорее вернуться, к теории, развивая ее для объяснения исследуемого случая (*Burawoy* 2009, см. также Буравой 1997). Важно, что этот метод требует от исследователя рефлексивности: понимания собственной позиции и того, как она влияет на производство знания.

Вульфовский антрополого-исторический подход дополняет эту рамку более явным требованием длинной исторической перспективы. Вульф настаивал, что любое современное сообщество или явление нельзя понять вне истории его внешних связей — каждое «локальное» место уже давно включено в глобальные процессы накопления, миграции, войн, колониализма (*Wolf* 1982). Авторы «*Insidious Capital*» последовательно применяют этот принцип: например, первая глава Патрика Невелинга о специальных экономических зонах прослеживает историю этого института от послевоенного Пуэрто-Рико до сегодняшнего дня, показывая, как СЭЗ стали глобальной машиной нового международного разделения труда. Невелинг опирается не на собственную полевую работу, а на широкий массив исторических источников и чужих этнографий — демонстрируя, что антропология может работать и с «архивом», если она сохраняет чувствительность к конкретности повседневных действий и процессов. При этом надо признать, что не всегда эту чувствительность авторам удастся удержать: шестая глава Катарины Бодирски скорее напоминает политологический анализ, опирающийся на работу с научными публикациями, юридическими документами, отчетами правозащитных организаций, публикациями в СМИ, постами в социальных сетях. Этого вполне достаточно, чтобы показать, что государственное насилие и массовые увольнения 2016–2018 гг. были инструментом укрепления пошатнувшегося гегемонического проекта в условиях экономического и политического кризиса. Конфискации генерировали ресурсы для стратегического перераспределения внутри альянса элит и поддерживающих режим слоев населения, одновременно обеспечивая замену государственного персонала и институциональное закрепление авторитаризма. И все же, работа с дискурсами и агрегированными эффектами практик без погружения в повседневные действия конкретных людей ощущается как недостаточная.

Однако большинство глав книги всё же основаны на полевой этнографии — пребывании в конкретных местах, наблюдении, интервью. Вероятно, логичным будет продемонстрировать работу с этнографией на примере седьмой главы — «*IT Dreams and Real Estate: Value Regimes in the Romanian Tech Hub*» (Р. 211–241), в которой соавтором румынской исследовательницы Оаны Матееску выступил Дон Кальб. Это исследование IT-сектора в румынском городе Клуж (полное название — Клуж-Напока, но авторы сокращают до первой части), который с 2000-х годов стал одним из европейских центров аутсорсинга IT-услуг. Авторы посетили офисы компаний, коворкинги, различные мероприятия, провели интервью с программистами, дизайнерами, менеджерами проектов, а также использовали материалы блогов и социальных сетей, в которых работники обсуждают свою работу и жизнь.

Режим ценности в клужском IT складывается из нескольких слоев. Первый слой — глобальный: после 2000-х годов западные компании (американские, немецкие, французские) активно выносят свои IT-отделы в Восточную Европу, используя арбитраж труда (*labor arbitrage*) — разницу в стоимости рабочей силы между Западом и Востоком. Румынские программисты с хорошим

образованием и знанием английского стоят в 2–3 раза дешевле немецких или американских, но при этом работают с такой же или даже большей производительностью.

Второй слой — национальный и локальный: румынское государство и городские власти Клужа активно поддерживают рост IT-сектора, видя в нем шанс на модернизацию и экономический рост. Вводятся налоговые льготы, строятся бизнес-центры, университеты открывают специализированные программы. При этом IT и недвижимость связаны в единую цепочку накопления: прибыли от аутсорсинга частично оседают в виде ренты у владельцев земли и застройщиков, создавая новый класс локальных рантье. Это пример того, как накопление происходит не только через эксплуатацию труда, но и через присвоение городского пространства.

Третий слой — индивидуальный, повседневный. Авторы обнаруживают две основные «петли»: с одной стороны, растущие цены на недвижимость удорожают стоимость жизни, с другой стороны, само образование не является бесплатным — государственное финансирование сокращается, а сектор и сам город становятся все более привлекательными, увеличивая поток абитуриентов и студентов. Все это, наряду с потребностями IT-компаний способствует раннему включению студентов в работу во время учебы. Причем ключевыми добродетелями работников оказываются готовность много работать, быстро обучаться новым навыкам, быть гибкими в отношении условий трудоустройства, организации рабочего места, времени и социальных процессов.

Авторы показывают, что дискурс о креативности и таланте играет в этом режиме ключевую идеологическую роль: он позволяет людям воспринимать эксплуатацию как личный вызов, как возможность «реализовать себя». Если ты не справишься — значит, ты недостаточно талантлив, недостаточно мотивирован. Так цивилизационные ценности (миф о «креативной экономике») работают на поддержку закона стоимости (арбитраж труда, накопление капитала). При этом люди не просто пассивные жертвы — они активно участвуют в этом режиме, надеясь стать «победителями», накопить капитал, купить квартиру, может быть, открыть свой стартап.

Матееску и Кальб также обращают внимание на гендерное измерение этого режима: женщин в IT меньше, а те, кто есть, сталкиваются с дополнительными барьерами — дискриминацией при найме, необходимостью совмещать работу и заботу о детях в условиях, когда работа требует полной отдачи. Здесь также видна связь между доменом производства и доменом социального воспроизводства: капитал опирается на неоплачиваемый женский труд, который делает возможным интенсивную эксплуатацию мужского труда в офисах.

Линия столкновения ценностей в этом кейсе проходит через напряжение между обещанием и реальностью: IT обещает современность, успех, принадлежность к глобальному миру, но на деле работники сталкиваются с прекарностью, выгоранием, зависимостью от капризов западных заказчиков. Но это напряжение не ведет к открытому конфликту или протесту. Наоборот, люди скорее интернализируют проблемы, винят себя или надеются «переиграть систему» индивидуально. Классовое сознание фрагментировано: каждый видит себя индивидуальным предпринимателем собственного таланта, а не частью эксплуатируемого класса.

Важно, что Матееску и Кальб не ограничиваются только интервью и наблюдениями — они также анализируют статистику (рост числа IT-компаний, динамика зарплат, цены на недвижимость), изучают корпоративные отчеты, прослеживают законодательные изменения (налоговые льготы для IT, изменения в трудовом законодательстве). Это позволяет им связать микроуровень (действия и переживания конкретных людей) с макроуровнем (глобальные процессы аутсорсинга) и мезоуровнем (локальная политика, урбанистическая трансформация Клужа). Именно такая многоуровневая аналитика и составляет суть антропологии режимов ценности. Подобным образом работают и другие этнографические главы книги.

Из сказанного выше можно заметить, что специфика критического анализа, предпринимаемого авторами, может производить на эмпатичного читателя ощущение достаточно глухой беспросветности исследуемых режимов ценности. Это можно считать достоинством книги: действительно, бесчеловечность условий жизни вынужденных мигрантов в трущобах Янгона в Мьянме, занимающихся сбором мусора для выживания, достаточно очевидна. Но пример с хорошо зарабатывающими IT-специалистами, выбирающими на досуге, посвятить ли время занятиям по йоге или мастер-классу по дегустации вина, производит, тем не менее, ощущение того же типа безвыходности и безнадежности. Авторы показывают, что механизмы, действующие в обоих случаях принципиально сходны — как и их эффекты. Эту же черту можно считать и недостатком книги: безысходность практически каждого кейса настолько глубока, что совершенно непонятно, что дальше делать с этим знанием причин, какова польза от такого исследования? Время от времени авторы пишут о глобальном кризисе текущего режима ценности — но ни в одной главе не проговаривается надежда на изменение местного положения дел в лучшую сторону каким-то принципиальным образом.

В книге также есть послесловие, написанное Кристофером Крупой, антропологом из Торонто, которое, впрочем, не добавляет надежды, а скорее усугубляет ситуацию, работая как экзистенциально-поэтическая радикализация концептуальной рамки, предложенной Кальбом. Крупа напоминает о ряде исследований, прослеживающих историческую и структурную связь капитализма и колониального плантационного рабства, бывшего одновременно и экспериментальным контекстом, в котором была выработана значительная часть основ трудовой дисциплины индустриального капитализма, и прямым и существенным поставщиком сырья для европейских фабрик. Он подводит к выводу о том, что в итоге «стоимость [...] основана на жертвенном обмене смерти на жизнь, на том, что смерть делается производительной, на циркуляции жизненной силы, отнятой у одних и присвоенной другими для собственной выгоды» (Р. 315). Одновременно с этим он соглашается с интерпретацией марксистского проекта трудовой теории стоимости (или скорее стоимостью теории труда) как абсолютно критического, направленного на описание, объяснение и осуждение (*condemn*) отчужденной формы жизни, порожденной капитализмом (Р. 307).

Достаточно хрупкие ростки надежды могут появиться у читателя, пожалуй, лишь в девятой главе, которая эксплицитно посвящена социальным движениям и организациям, старающимся активно противостоять эффектам закона стоимости, формируя более или менее неожиданные альянсы между фрагмен-

тированными угнетенными. Впрочем, то что описывает Шерри Касмир — это не точки окончательного классового синтеза, а мерцающие проявления возможной солидарности (Р. 295), и ее текст скорее подчеркивает, насколько сложно такая солидарность достигается и как она неустойчива.

Еще более робкой оказывается и единственная эксплицитно рефлексивная восьмая глава, в которой Сара Винклер-Рейд раскрывает свою позицию, показывая собственную «впутанность» (entanglement) в исследуемые отношения стоимости как сотрудник университета в Ньюкасле, получатель зарплаты, выигрывающий от студенческих долгов, участник пенсионной схемы, зависящий от успешности инвестиций, сделанных этим фондом в недвижимость. Она признается: «Я вовлечена в эти процессы, извлекаю из них привилегии и помогаю их воспроизводить, даже критикуя их» (Р. 263). Исследовательница задумывается о своем отношении к собеседникам, чьи ценности она не разделяет, но все же не считает их «неолиберальными автоматами». Однако вопрос о конкретной возможной пользе антропологии для изменений к лучшему она лишь формулирует, не делясь никакими размышлениями.

Интересно, что совершенно ничего похожего на такое рассуждение нет и во введении Дона Кальба, что может быть отчасти связано с выбранной им позицией в дискуссии с другим проектом, тематизирующим ценности и капитализм — работой Дэвида Гребера. Критике последнего посвящена часть введения (Р. 5–12)⁴. Одна из основных линий критики при этом касается слишком большой роли Мосса в рассуждениях Гребера, подменяющей в итоге все важное, что есть в марксизме. Надо заметить, что в работе «*Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*» (Graeber 2001) Гребер действительно настаивает на том, что Мосс дополняет Маркса, как воображение интересных альтернатив дополняет критику несправедливости существующих социальных отношений (этому посвящена глава 6 книги). Иронично, что именно воображения альтернатив отчаянно не хватает рецензируемой работе.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁴ Критика эта является, на мой взгляд, столь же неубедительной, сколь и необязательной для проекта, предлагаемого в книге. Не останавливаясь на содержании этой критики, замечу только, что Кальб представляет определенную интерпретацию текстов Гребера, но почти не приводит конкретных ссылок на страницы работ последнего, так что оценить корректность его интерпретации оказывается совершенно невозможно.

Литература

Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154–176.

Burawoy M. The extended case method: four countries, four decades, four great transformations, and one theoretical tradition. Berkeley: University of California press, 2009.

Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N.Y.: Palgrave, 2001.

Harvey D. Marx, Capital, and the Madness of Economic Reason. L.: Profile Books, 2019.

Kalb D. (ed.) Value and Worthlessness: The Rise of the Populist Right and Other Disruptions in the Anthropology of Capitalism. Berghahn Books, 2025.

Schei A. Don Kalb's Book «Insidious Capital» Gets Top Prize. University of Bergen. URL: <https://www.uib.no/en/svf/174623/don-kalbs-book-»insidious-capital»-gets-top-prize> (дата обращения: 06.10.2025).

Wolf E. R. Europe and the people without history. Berkeley: University of California Press, 1982.

Book Review

Basov A. S. Anthropology of values in the times of insidious capital Book [Antropologiiia cennostei v epokhu kovarnogo kapitala]. Book Review: Kalb D. (Ed.). Insidious Capital. Frontlines of Value at the End of a Global Cycle. Berghahn Books, 2024. // Антропологии / Anthropologies, 2025, no 2, pp. 126–136, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/126-136>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | a.basov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852> | Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

